

О языке поэмы *Bāṇāsarakathā* (XV в.) и его отношении к языку кашмири

Язык поэмы *Bāṇāsarakathā* («Рассказ о демоне Бане»), написанной в Кашмире в середине XV в., традиционно считается ранней формой кашмири. Ряд фактов исторической фонетики и лексики, однако, заставляет считать эту точку зрения сомнительной. В статье делается попытка внести в данный вопрос максимальную ясность. Автор приходит к выводу, что язык основной части поэмы должен классифицироваться как индоарийский и, при этом, несомненно, носит искусственный и стилизованный характер. Вместе с тем в тексте содержатся многочисленные фрагменты на раннем кашмири, которые следует считать первой дошедшей до нас датированной фиксацией дардского языкового материала. Ряд засвидетельствованных в памятнике индийских элементов, вероятнее всего, был заимствован из новоиндийского языка, распространенного в Кашмирской долине до XIII–XIV вв.

Ключевые слова: язык кашмири, дардские языки, индоарийские языки, пракриты, апабхрانشа, искусственные языки, языковой сдвиг.

Хотя кашмири до недавнего времени являлся единственным дардским языком, имеющим письменность, диахроническое исследование кашмирского материала с помощью филологического метода как правило оказывается малорезультативным. Причина тому – непродолжительность литературной традиции: самые ранние из дошедших до нас в оригинальном виде текстов отстоят от наших дней не более чем на три столетия. В подобной ситуации представляются вполне объяснимыми попытки некоторых ученых обнаружить более старые аутентичные литературные памятники на кашмири.

Одним из возможных старокашмирских памятников в прошлом считались стихотворные вставки в религиозно-философском трактате *Mahānayaṅprakāśa* (Grierson 1929)¹. Проведенное нами специальное исследование, однако, показало, что язык этих вставок никоим образом не может являться предком современного кашмири. Он представляет собой искусственный индоарийский литературный идиом, произведенный из санскрита при помощи правил фонетического пересчета и содержащий лишь некоторое (притом относительно небольшое) количество заимствованных кашмирских элементов (Коган 2010).

Недавно в широкий научный обиход был введен еще один текст, язык которого, по мнению ряда исследователей, является ранней формой кашмири. Это поэма на сюжет из Махабхараты о битве Кришны с демоном Баной (Банасурой), известная под санскритским названием *Bāṇāsarakathā* («Рассказ о демоне Бане»). Автор поэмы – Аватарабхатта или Бхаттаватара – был одним из придворных поэтов кашмирского султана Зайн-уль-Абидина (1420–1470). Текст содержит прямое указание на дату написания – 26-ой год правления султана, что соответствует 1446 г. Единственная рукопись памятника была обнаружена во 2-ой половине XIX в. в г. Биканер² известным немецким санскритологом Георгом Бюлером. Попытка прочесть ее с помощью информантов из числа ученых

¹ Сколь-нибудь надежная датировка памятника отсутствует, известно лишь имя автора – Шитикантха.

² Ныне в штате Раджастан на западе Индии.

кашмирцев-индусов («кашмирских пандитов») успеха не имела³. Тем не менее, Г. Бюлер классифицировал ее язык как кашмири (Bühler 1877: 90), и в дальнейшем данная точка зрения нашла отражение в целом ряде кашмироведческих публикаций, где поэма *Bāṇāsarakathā* называется наиболее ранним датированным кашмирским литературным произведением (Grierson 1919; Эдельман 1965; Захарьин, Эдельман 1971; Edelman 1983). Название памятника было ошибочно прочитано Г. Бюлером как *Bāṇāsuraavadha* («Убийство демона Баны»), а имя поэта не было распознано, из-за чего рассматриваемый текст иногда объявляют поэмой неизвестного автора (см., например, Захарьин, Эдельман 1971; Edelman 1983).

В течение весьма длительного времени после обнаружения (в общей сложности около 100 лет) рукопись памятника находилась в книгохранилищах нескольких индийских библиотек⁴. В конце 60-х годов XX в. она попала в поле зрения молодого филолога Шаши Шекхара Тошкхани, посвятившего описанию ее языка диссертацию на соискание степени PhD в Кашмирском университете⁵. Диссертация была защищена в 1972 г. на факультете языка хинди и написана на этом языке. Она содержит общие сведения о поэме, эпохе её написания и авторе, стилистических особенностях, грамматический очерк языка памятника, включающий также краткий обзор исторической фонетики, оригинальный текст с переводом на хинди, словарный указатель. Долгие годы исследование Ш.Ш. Тошкхани было практически недоступным для широкой научной общественности, причиной чему был не только языковой барьер, но и политическая напряженность в столице штата Джамму и Кашмир, где работа хранилась в единственном экземпляре. В декабре 2015 г. электронный вариант текста диссертации был опубликован в Интернете⁶, что впервые сделало возможным знакомство с ней ученых за пределами Индии. Это в свою очередь открыло путь для более детального изучения языка поэмы *Bāṇāsarakathā* в различных аспектах, в том числе, в сравнительно-историческом.

* * *

В завершающей части поэмы автор называет язык своего произведения санскритским словом *dēśya* («местный, провинциальный, относящийся к данной области или стране»). По мнению Ш. Ш. Тошкхани, данный термин следует считать обозначением народно-разговорного языка Кашмира XV в. (Toṣkhānī 1972: 235). Мы видим, однако, некоторые основания полагать, что подобная интерпретация не является единственно возможной. Известно, например, что искусственный язык упоминавшегося выше трактата *Mahānāyaprakāśa* назывался синонимичным термином *dēśabhāṣā* («язык страны»)⁷. Данный факт, как нам представляется, указывает на необходимость осторожной и небуквальной трактовки лингвонимов с начальными компонентами *dēśa-* и *dēśya-*. Скорее всего, их следует считать названиями идиомов, применявшимися в той или иной функции только в определенных географических ареалах (в противоположность санскриту и литературным пракритами, использовавшимся во всей Индии), имея при этом в виду, что сфера функционирования таких идиомов часто неясна. В некоторых случаях речь вполне мо-

³ По словам самого Г. Бюлера, информанты заявили, что способны понять текст поэмы, однако не берутся его объяснить (Bühler 1877: 90).

⁴ В настоящее время она хранится в библиотеке Института востоковедных исследований им. Р. Г. Бхандаркара (Bhandarkar Oriental Research Institute) в г. Пуна.

⁵ В г. Сринагар, столице штата Джамму и Кашмир.

⁶ Toṣkhānī 1972. Режим доступа: <http://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/56812>.

⁷ См. Grierson 1929.

жет идти о местных литературных языках, не отражавших живую разговорную речь и носивших, подобно пракритам и апабхрانشа, стилизованный и искусственный характер

Сходство языка поэмы *Bāṇāsarakathā* с языком трактата *Mahānayaṅprakāśa* отнюдь не ограничивается близостью названий. Весьма примечательной общей чертой обоих текстов является очевидное преобладание в них индоарийской лексики⁸. Часть этой лексики не обнаруживает фонетических отличий от древнеиндийских прототипов и, таким образом, может представлять собой прямые заимствования из санскрита. Другая часть, несомненно, отражает более позднюю, чем древнеиндийская, ступень историко-фонетического развития. Показательно, что в целом ряде слов, относящихся к этой группе, обнаруживаются фонологические инновации, характерные для индоарийской ветви. Среди таких инноваций следует выделить две: стяжение общеиндоиранского краткого дифтонга **ai > ē* (*ēk-* ‘1’ при др.-инд. *ēka-* (< **aika-*), ср. авест. *aēva-*; *ēśu* ‘этот’ при др.-инд. *ēśa-* (< **aiśa-*), ср. авест. *aēšo*) и переход общеиндоиранской звонкой придыхательной аффрикаты **jh⁹ > h* (*hanēta* ‘убив’ при др.-инд. *hanti* ‘убивает’ (< **jhanti*), ср. авест. *jaiṅtī*; *nēh-* ‘любовь, привязанность’ при др.-инд. *snēha-* ‘любовь, привязанность; липкость, клейкость, жир, слизь, мокрота’ (< **snaijha-*), ср. авест. *snaēžana-* ‘слюнявый (о ребенке, собаке, волке)’, *snaēžint* ‘снежащий’¹⁰; *duhit* ‘дочь’ при др.-инд. *duhitar-* (< **dujhitar-* < и.-е. **dhughater-*)).

Обращает на себя внимание значительное число примеров рефлексии ряда индоиранских консонантных сочетаний, широко распространенной в средне- и новоиндийских языках, но чуждой кашмири. К подобным примерам относятся, в частности, случаи утраты второго компонента в кластерах вида «согласный + r», т. е. переходы **tr > t* (*tās-* ‘страх’ при др.-инд. *trāsa-*, пали, пракр. *tāsa-* ‘дрожь, страх’, хинди *tāsnā* ‘ужасать, угрожать’; *ti-* ‘три’ при др.-инд. *tri-* *trayaḥ*, *trīṇi*, пали *tayo*, *tīṇi*, пракр. *taō*, *tiṅṅi*, хинди, мар. *tīn*, пандж. *tinn*, неп., бенг. *tin*, кашм. *trē*), **dr > d, dd* (*canda*¹¹ ‘луна’ при др.-инд. *candra-*, пали *canda-*, пракр. *caṅda-*, хинди, гудж., мар. *cād*, пандж. *cand*; *niddi* ‘спит’ при др.-инд. *nidrāyati*, пали *niddāyati*, пракр. *ṇiddādi*, ср. также пали *niddā*, пракр. *ṇiddā*, хинди, неп. *nīd*, бенг. *nīd*, кашм. *nēndīr* ‘сон’), **pr > p* (*piyā* ‘любимый’ при др.-инд. *priya-*, пали, пракр. *piya-*, хинди *piyā* ‘любимый, возлюбленный’, лахнда *pīā*, пандж. *pīu*, гудж. *piyu*, мар. *piyo* ‘муж, возлюбленный’; *pathamo* ‘первый’ при др.-инд. *prathama-*, пали *paṭhama-*, пракр. *pathama-*, *paḍhama-*, ср. также хинди *pahlā*, пандж., бенг., мар. *pahlā*, лахнда *peihlā*, неп. *pailo*, гудж. *pahelū* ‘первый’ < **prathil(l)a-* (Turner 1966: 488); *pabha* ‘свет’ при др.-инд. *prabhā*, пали, пракр. *pabhā* ‘свет’, лахнда *pōh*, пандж. *pauih*, хинди *roh*, *rau* ‘рассвет’, асс. *piwō* ‘восход’, кашм. *prawi* ‘лучи, солнечный свет’; *pāvēha* ‘получает’ при др.-инд. *prāpayati*, пали *pārēti*, пракр. *pāvai*, ср. лахнда *pāvai*, пандж. *pāiṅā*, хинди *pānā*, неп. *pāiṅi*, бенг. *pāoyā*, кашм. *prāwun* ‘получать’), **bhr > bh* (*bham-* ‘заблуждение’ при др.-инд. *bhrama-* ‘ошибка, заблуждение; вращение; головокружение’, пракр. *bhama-* ‘блуждание; ошибка’, лахнда, пандж. *bhai* ‘головокружение’, хинди *bhawā* ‘вращение, кружение’, асс. *bhuwā* ‘обман’, кашм. *bra-*

⁸ Ср. указание Дж. Грирсона относительно языка *Mahānayaṅprakāśa*: “Except for two or three doubtful expressions, *Śitikaṅṭha*’s vocabulary is entirely Indo-Aryan” (Grierson 1929: 77).

⁹ Рефлекс и.-е. **gh, *g^wh* в позиции палатализации.

¹⁰ Древнеиндийская и авестийская формы в конечном итоге восходят к и.-е. **sneig^wh-* ‘снежить’ (Mayrhofer 1996: 772).

¹¹ В примерах из языка *Bāṇāsarakathā* мы, следуя общепринятой индологической традиции, используем букву *c* для транслитерации знака индийских письменностей шарада и деванагари, передающего глухую непридыхательную палатальную аффрикату. При фиксации же кашмирского материала для данной фонемы нами используется символ *č*, в то время как при помощи символа *c* обозначается глухая непридыхательная зубная аффриката.

тип ‘блуждать’). Как можно видеть, кашмирские соответствия приведенных древнеиндийских слов сохраняют общеиндоиранские группы согласных без изменений и не могут являться отражениями форм с более инновационной фонетикой, засвидетельствованных в поэме *Bāṇāsarakathā*.

Следы средне- и новоиндийского развития обнаруживает также в отдельных случаях и соответствие древнеиндийской группы *kṣ* (*tikkho* ‘острый’ при др.-инд. *tikṣṇa-*, пракр. *tikkho*, хинди *tikhā*, пандж., лахнда *tikkhā*, неп. *tikho*)¹². Как было показано нами в прошлых работах, в кашмири такое отражение характерно только для индоарийских заимствований, в то время как в исконной лексике др.-инд. *kṣ* соответствуют глухие придыхательные аффрикаты *čh* и *ch* (Коган 2011; 2015).

Все рассмотренные историко-фонетические изоглоссы однозначно говорят в пользу индоарийского характера языка *Bāṇāsarakathā*. В данной связи заслуживает упоминания и тот факт, что в поэме, как и в трактате *Mahānayaṅprakāśa*, имеются продолжения древнеиндийских композитов, характерных только для позднего санскрита и не обнаруживающих соответствий за пределами индоарийской группы: *paramātha-* ‘высшая душа’ < др.-инд. *paramātman-*; *tibhavana* ‘три мира’ < др.-инд. *tribhavana-*; *nirpēnda-* ‘Индра среди царей’ < др.-инд. *nṛpēndra-*; *svakamma-* ‘своя карма’; *candavadani* ‘лунолика’ < др.-инд. *candravadanā*.

Весьма примечательной чертой исторической фонетики языка *Bāṇāsarakathā* является ничем не мотивированный разницей в звукосоответствиях. Данное явление, характерное также для языка *Mahānayaṅprakāśa* и для среднеиндийских литературных языков, объясняется тем, что авторы текстов нестрого следовали правилам пересчета с санскрита, описанным в грамматических трактатах, а в случае с *Mahānayaṅprakāśa* – еще и недостаточной разработанностью самих правил (Коган 2010). Для *Bāṇāsarakathā* наиболее частотны следующие типы неоднозначного историко-фонетического развития:

- 1) отражение зубных смычных в интервокальном положении: *t, d > y, v, 0* (*kēy-*, *kyo* ‘сделанный’ при др.-инд. *kṛta-*; *appū* ‘отданный, врученный’ при др.-инд. *arpita-*; *kīśū* ‘какой?’ при др.-инд. *kīdṛśa-*; *vāyān* ‘играющий (на музыкальном инструменте)’ при др.-инд. *vādayati* ‘играет’; *revān* ‘плачущий’ при др.-инд. *rudati* ‘плачет’); сохранение в *t, d* неизменном виде (*māt* ‘мать’ при др.-инд. *mātar-* (Nom Sg *mātā*); *duhit* ‘дочь’ при др.-инд. *duhitar-* (Nom Sg *duhitā*); *mito* ‘мертвый’ при др.-инд. *mṛta-*; *midu* ‘нежный’ при др.-инд. *mṛdu-*; *adiśya* ‘невидимый’ при др.-инд. *adṛśya-*; *vada-tā-s* ‘скажи ему!’ при др.-инд. *vadati* ‘говорит’; *pasādē* ‘подношением (Instr Sg)’ при др.-инд. *prasāda-* ‘подношение’);
- 2) отражение интервокального *p*: *p > v* (*pāvēha* ‘получает’ при др.-инд. *prāpayati*; *thāvēta* ‘установив’ при др.-инд. *sthāpayati* ‘устанавливает’; *nīvara* ‘ножной браслет’ при др.-инд. *nīpura-*); сохранение интервокального *p* в неизменном виде (*palāpē* ‘причитаниями (Instr Sg)’ при др.-инд. *pralāpa-* ‘причитания’; *kīpa* ‘милосердие’ при др.-инд. *kṛpā-*; *narapata* ‘царь’ при др.-инд. *narapati-*);
- 3) отражение начального и интервокального *ś*: *ś > s* (*siva* ‘Шива’ при др.-инд. *śiva-*; *sadiśo* ‘подобный’ при др.-инд. *sadṛśa-*; *asra* ‘слеза’ при др.-инд. *aśru-*); *ś > h* (*daha* ‘10’ при др.-инд. *daśa*; *kāha* ‘11’ при др.-инд. *ekādaśa*; *nāhen* ‘разрушают’ при др.-инд. *nāśayanti*); сохранение начального и интервокального *ś* в неизменном виде (*śira* ‘голова’ при др.-инд. *śiras-*; *śun-* ‘слышать’ при др.-инд. *śṛṇōti* ‘слышит’; *bhāśū* ‘12’ при др.-инд. *dvādaśa*; *kīśū* ‘какой?’ при др.-инд. *kīdṛśa-*);

¹² Отмечен также пример взаимозаменяемости *kṣ* и *kh*: *yakṣēta* и *yakhēta* ‘как’ (Toṣkhānī 1972: 247). В большинстве случаев, однако, др.-инд. *kṣ* в тексте поэмы сохраняется (по крайней мере, на письме) в неизменном виде (Toṣkhānī 1972: 258–259).

- 4) отражение интервокальной группы $ṣṭ$: $ṣṭ > ṭṭh$ (*diṭṭho* ‘взгляд’ при др.-инд. *dṛṣṭi*;
biṭṭho ‘сидящий’ при др.-инд. *upaviṣṭa*); сохранение группы $ṣṭ$ в неизменном виде
(*kudiṣṭa* ‘недобрый взгляд’ при др.-инд. *kudṛṣṭi*; *ukiṣṭa* ‘превосходный’ при др.-инд.
utkrṣṭa).

В ряде случаев одно и то же древнеиндийское слово может иметь более одного соответствия¹³: *udayo* и *uyo* ‘поднявшийся’ при др.-инд. *udita*-; *sadiso* и *sadiśo* ‘подобный’ при др.-инд. *sadṛśa*-; *sahassa*, *sassa* и *sāss* ‘1000’ при др.-инд. *sahasra*-; *śatta* и *śatti* ‘сила’ при др.-инд. *śakti*-; *ratta* и *ratthā* ‘кровь’ при др.-инд. *rakta*-.

Весьма высокая степень историко-фонетической нерегулярности, демонстрируемая приведенным выше материалом, является, на наш взгляд, наглядным и неоспоримым свидетельством искусственного характера языка *Bāṇāsarakathā*. Представляя собой стилизованный идиом, подобный литературным пракритам и апабхрانشа, язык *Bāṇāsarakathā*, однако, не идентичен ни одному из них. Более того, он обнаруживает целый ряд черт, резко отличающих его от большинства средне- и новоиндийских языков. В исторической фонетике к этим чертам относится отсутствие перехода $y > j$ в начальной позиции (ср. *yo* ‘который’ при др.-инд. *yaḥ*, пракр. *jō*, *je*, апабхрانشа, хинди, пандж., лахнда, синдхи, неп., мар. *jō*, бенг., гудж. *jē*, асс. *zi*; *yid* ‘если’ при др.-инд. *yadi*, пракр., апабхрانشа *jaī*, хинди, пандж., лахнда, синдхи *jē*, мар. *jai*; *yuvina* ‘молодость’ при др.-инд. *yauvana*-, пракр. *jōvaṇa*-, *jovvaṇa*-, *juvvaṇa*-, пандж. *jōvaṇ*, хинди, неп. *jōvan*), а также переход предвокального $ṣ > ś$, $śś$ (ср. *śiyi* ‘6’ при др.-инд. *ṣaṣ*-, ср. также пали *saṭṭhi*-, пракр. *saṭṭhī*-, хинди, мар. *sāṭh*, пандж., лахнда *saṭṭh*, синдхи *saṭhi*, неп., гудж. *sāṭhi* ‘60’ < др.-инд. *ṣaṣṭi*-; *ēśu* ‘этот’ при др.-инд. *ēṣa*-, ср. пали, пракр. *ēśo*, апабхрانشа *ēhō* ($h < s$); *vaśśuna* ‘дождь’ при др.-инд. *varṣana*-, ср. также пали *vassati*, пракр. *vassadi* ‘дождит’, хинди *barasna*, пандж. *vassṇā*, лахнда *vassan*, неп. *barsanu*, гудж. *varasvī*, мар. *varasṇē* ‘дождить’).

Обе рассмотренные изоглоссы характерны и для языка *Mahānayaṇaparakāśa*. Последняя из них представляется нам особенно интересной. Децеребрализация более раннего церебрального $ṣ$ привела к совпадению его рефлекса с сохранившимся без изменений индоиранским $*ś$ (= др.-инд. $ś$) – отражением праиндоевропейского палатального $*k$ (ср. приведенные выше примеры сохранения $ś$: *śira* ‘голова’ при др.-инд. *śiras*-; *śun* ‘слышать’ при др.-инд. *śṛṇōti* ‘слышит’; *śatti*, *śatta* ‘сила’ при др.-инд. *śakti*-; *bhāśū* ‘12’ при др.-инд. *dvādaśa*). Утрата оппозиции двух старых сибилантов и возникновение в её результате двухсибилянтовой системы (s , $ś$) отличает язык *Bāṇāsarakathā* от кашмири, где в исконной лексике сохраняется троичное противопоставление¹⁴, но при этом сближает его с некоторыми новыми индоарийскими языками, в частности, с цыганским и частью языков группы пахари. Аналогичный историко-фонетический процесс, по всей видимости, прошел также в языке – источнике индоарийских заимствований в кашмири (Коган 2011).

Примечательно, однако, что, обладая некоторыми редкими для индоарийского ареала чертами в исторической фонетике, рассматриваемый язык обнаруживает при этом изоглоссы, объединяющие его с новоиндийскими языками. Особенно заметны такие изоглоссы на лексическом уровне, где налицо целый ряд слов и корней, широко представленных главным образом в позднем индоарийском (ср. *b(h)uta* ‘много’ при хинди, пандж., гудж., неп. *bahut*, цыг. *but*; *caḍ(h)*- ‘взбираться, подниматься’ при хинди, пандж., лахнда, синдхи, кум. *caḥh*-, гудж., мар. *caḍh*-, бенг., неп. *caḥ*- ‘подниматься, взбираться, вскарабкиваться’; *ithaya* ‘сюда’ при пандж. *itthe*, лахнда *itth* ‘здесь’, кум. *ith*, *ithā*

¹³ Об аналогичной ситуации в языке *Mahānayaṇaparakāśa* см. Коган 2010: 16.

¹⁴ Для кашмири характерно сохранение в неизменном виде старого $*s$ и передвижение двух остальных сибилантов: $ś > h$, $ṣ > ś$. Подробнее см. Коган 2009.

‘сюда’; *jal-* ‘гореть’ при хинди, пандж., кум., неп. *jal-*, гудж., мар., зап. пахари (чамеали) *jal-*, бенг. *jəl-*, асс. *zəl-*; *paḍ-* ‘падать’ при хинди, кум., гудж. *paṛ-*, мар. *paḍ-*, бенг. *pər-*, цыг. *per-*; *rah-* ‘оставаться’ при хинди, пандж., лахнда, синдхи, неп., гудж., мар. *rah-*, бенг., асс. *rəh-*, кум. *rau-*, зап. пахари (бхадарвахи) *rēh-*).

* * *

Рассмотренные выше факты, как представляется, однозначно говорят в пользу предложенной нами трактовки терминов *dēśya* и *dēśabhāṣā* как возможных обозначений местных литературных, притом, искусственно созданных идиомов. Стихотворные вставки в трактате *Mahānayaaprakāśa* и поэму *Bāṇāsarakathā* можно считать двумя дошедшими до нас текстами на одном из таких идиомов¹⁵. Его можно было бы назвать кашмирским *dēśya* или кашмирским *dēśabhāṣā*. Правила пересчета с санскрита на этот стилизованный язык, по всей видимости, ещё XV в. не прошли этап формирования и не были кодифицированы. На это указывает продемонстрированный нами низкий уровень регулярности в фонетических соответствиях.

Представляется несомненным, что данный язык, являющийся искусственным конструктором, никоим образом не мог быть народно-разговорным языком Кашмира. При этом, однако, в тексте *Bāṇāsarakathā* встречается немало лексических и морфологических элементов, обнаруживающих следы дардского историко-фонетического развития и/или имеющих наиболее близкие этимологические параллели в языках дардской группы, прежде всего, в кашмири. Данная особенность была отмечена нами и для трактата *Mahānayaaprakāśa* (Коган 2010: 17–20), но в *Bāṇāsarakathā* подобные вкрапления гораздо более многочисленны. Установить точное их число, впрочем, не представляется возможным, одна из причин чему – непоследовательность письменной фиксации некоторых фонемных оппозиций. Так, довольно часто встречаются случаи свободного варьирования на письме звонких придыхательных и непридыхательных согласных: *bhu-* и *bi-* ‘становиться’; *bhuta* и *buta* ‘много’; *bannēta* и *bhannēta* ‘связав’. Подобное варьирование, вероятно объясняется ошибками, допущенными переписчиками-кашмирцами – носителями языка, лишённого звонкой придыхательной серии. Поскольку совпадение двух серий вследствие утраты придыхания у звонких аспирирует представляет собой общедардскую классифицирующую историко-фонетическую инновацию, примеры, подобные приведенным здесь, следует признать неясными с точки зрения возможности их отнесения к дардскому этимологическому пласту.

В ряде случаев, однако, вариант с сохранившимся придыханием не засвидетельствован: *dāri* (при отсутствии **dhāri*) ‘держит’, ср. др.-инд. *dhārayati*; *gari* (при отсутствии **ghari*) ‘дом (Loc Sg)’, ср. пали, пракр. *ghara-*, хинди, неп., мар., гудж. *ghar*, синдхи *gharu* ‘дом’. Особенно показателен несомненный пример дезаспирации общеиндоиранской аффрикаты **jh*: *daji* ‘горит’ при др.-инд. *dahati* ‘горит, жжет’, авест. *dažaiti* ‘жжет’, торв. *daž-*, май. *daz-*, катар. *dazā-* ‘жечь’, кашм. *daz-*, пхал., сави *daj-*, шина *daž-* ‘гореть’ < индоиран. **dajh-* < и.-е. **dheg^wh-*. Он четко противостоит приводившимся нами примерам индоарийского развития той же аффрикаты и может быть однозначно проинтерпретирован как дардский по происхождению.

Историко-фонетические процессы, чуждые индоарийскому, но характерные для ряда дардских языков, затронули и систему гласных. К ним относится, например, поведение общеиндоиранского краткого дифтонга **ai*, теряющего в ряде случаев второй

¹⁵ Материальная близость языков двух памятников настолько значительна, что мы видим основания рассматривать их именно как два варианта (или стиля) одного идиома.

компонент в преконсонантной позиции: *ak(k)a* '1' < **aika-*, ср. кашм. *akh*, май., башк. *ak*, пхал. *āk*, др.-инд. *ēka-*, авест. *aēva-*. Как и дезаспирация аффрикаты **jh*, данный фонетический переход контрастирует с отмеченным нами выше индоарийским развитием той же древней фонемы (стяжением дифтонга **ai* > *ē*). Интересно, что числительное 'один' встречается в тексте поэмы в двух вариантах (*ēk-* и *ak(k)a*), относящихся, как можно судить по их вокализму, к двум разным этимологическим пластам.

Вероятные кашмирские элементы обнаруживаются в языке *Bāṇāsarakathā* не только в лексике, но и в морфологии. Примечательно, в частности, их наличие среди личных глагольных показателей (-*ā* 1 Sg Prs, ср. кашм. -*ī* (< **-ā*); -*ēva* 2 Pl Prs, ср. кашм. -*iw*; -*aṇa* 3 Pl Prs, ср. кашм. -*n*)¹⁶. Весьма частотны в тексте поэмы суффиговые местоимения, этимологически, несомненно, связанные с соответствующими местоимениями в кашмири¹⁷: -*m* (субъектное мест. 1 л. ед. ч.), -*y* (дательное-объектное мест. 2 л. ед. ч.), -*n* (субъектное мест. 3 л. ед. ч.), -*s* (дательное-объектное мест. 3 л. ед. ч.), ср. кашм. -*m*, -*y*, -*n*, -*s* соответственно.

Среди лексических и семантических изоглосс, объединяющих язык *Bāṇāsarakathā* с дардскими языками, включая кашмири, особый интерес представляют те, что относятся к базисной части словаря: *nār* 'огонь', ср. кашм., говро *nār*, башк. *āngār*, торв. *añā*, май. *lñgār*, пхал. *angōr*, шина *agār* 'огонь', др.-инд. *añgāra-* 'уголь'; *van-* 'говорить', ср. кашм. *wan-*, торв., май. *ban-*; *rōda* 'дождь', ср. кашм. *rūd*; *dap(p)-* 'говорить', ср. кашм. *dap-*; *ēr-* 'плыть', ср. кашм. *yīṛin* 'плыть (о предмете)'; *bi* 'я', ср. кашм. *bī* 'я', шина, пхал., май. *be* 'мы'; *cū* 'ты', ср. кашм. *cī*, *tuānō* 'мой', ср. кашм. *m'ōn*, май. *mī*, торв. *mē*, башк. *mā*, тир. *tuāna*, г.-б. *mōna*, паш. *tainā*; *suānō* 'твой', ср. кашм. *ṣōn*, башк. *ṣhā* тир. *ṣāna*.

Приведенные здесь примеры можно было бы расценить как сильный аргумент в пользу принадлежности рассматриваемого языка к дардской группе и его тесной генетической связи с кашмири. Действительно, такие элементы языка, как местоимения и словоизменяемые аффиксы, считаются практически не подверженными заимствованию и в силу этого наиболее показательными при определении генетической принадлежности идиома. Следует, однако, иметь в виду, что данное положение, так же, как и постулат о регулярности фонетических соответствий, было установлено для естественных языков, в то время как в искусственных, по-видимому, ничто не может помешать его нарушению. В этой связи интересно отметить, что и в морфологии, и в местоименной системе языка *Bāṇāsarakathā* имеются примеры дублетов, несомненно, родственных этимологически, но при этом обнаруживающих разное историко-фонетическое развитие и происходящих, вероятнее всего, из разных источников: -*aṇa* и -*anda* 3 Pl Prs (ср. др.-инд., пракр. -*anti*); *cū* и *tū* 'ты' (ср. апабхрэнша *tuḥu*, хинди *tū*)¹⁸. Данная особенность характерна и для литературных апабхрэнша¹⁹, где часть подобных дублетов могут рассматри-

¹⁶ Все перечисленные показатели засвидетельствованы в языке *Mahānayaṅprakāśa* в формах -*ā*, -*īva* и -*aṇa* соответственно (Gireson 1929; Коган 2010: 19).

¹⁷ Подробнее о кашмирских суффиговых местоимениях см., например, Хонелия 1976.

¹⁸ Данная ситуация, как представляется, характерна для базисной лексики в целом. Показательно наличие в тексте *Bāṇāsarakathā* дублетов разного, вероятнее всего, индоарийского и дардского (кашмирского) происхождения, выражающих значения из стословного списка Сводеша: *vaśśuna* 'дождь' (ср. др.-инд. *varṣaṇa-*) наряду с *rōda*, *agaṇa* 'огонь' (ср. др.-инд. *agni-*) наряду с *nār*, *jal-* 'гореть' (ср. др.-инд. *jvalati*) наряду с *daj-* (ср. кашм. *daz-*), *vad-* 'говорить' (ср. др.-инд. *vadati*) наряду с *van-* и *dap(p)-*.

¹⁹ Ср., например, сосуществование в парадигме личн. мест. 2 л. форм Acc Instr Loc Sg *taī* и *paī* (Елизаренкова 2004: 130; Tagare 1948: 216) или наличие двух глагольных окончаний 1 Sg Prs -*ami* и -*aīm* (Tagare 1948: 291) и 2 Sg Prs -*ahi* и -*asi* (Елизаренкова 2004: 132; Tagare 1948: 287; Bubenik 1996: 103). Аналогичная ситуация обнаруживается и в позднейшей форме апабхрэнша – авахатха: ср. дублетные формы Instr Sg относительного местоимения *jē* и *jeṇa* (Sen 1973: 83).

ваться как заимствования из санскрита, пракритов или же из живых позднесреднеиндийских диалектов, распространенных в иных географических ареалах.

Из неиндоарийских элементов в языке *Bāṇāsarakathā* помимо дардских следует упомянуть также персидские и проникшие через персидское посредство арабские: *ābād* ‘благоустроенный’ < кл.-перс. *ābād*; *jān* ‘душа’ < кл.-перс. *jān*; *carak* ‘колесо’, ср. кашм. *čar(a)kh* < кл.-перс. *čarχ*; *band* ‘закрытый’, ср. кл.-перс. *band kardan* ‘запирать, подвергать заключению’; *harta* ‘женская половина дома’ < кл.-перс. *har(a)m* ‘запретное, священное место; гарем, женская половина дома’ < араб. Вся подобная лексика обнаруживает соответствия в кашмири и вполне могла быть усвоена через последний.

* * *

Присутствие в языке *Bāṇāsarakathā* многочисленных корневых и грамматических морфем, усвоенных из кашмири или через кашмири, представляется нам вполне объяснимым. Как известно, в индоарийских искусственных литературных идиомах, в частности, в пракритах, выделяется особый этимологический пласт, включающий заимствования из народно-разговорных языков (Вертоградова 2002: 9–10)²⁰. Тот факт, что в рассматриваемом тексте этот пласт является преимущественно кашмирским, можно считать свидетельством кашмириязычия всего или, по крайней мере, значительной части населения кашмирского государства в XV в.

Вместе с тем, этимологический состав лексики *Bāṇāsarakathā* обнаруживает специфическую особенность, по-видимому, не характерную для среднеиндийских литературных языков. Эта особенность заключается в том, что уровень *dēśī* включает материал, происходящий не из одного, а, как минимум, из двух источников. Помимо численно преобладающих дардских элементов к нему, как было показано, относятся также вероятные новоиндийские²¹. Данная ситуация, несомненно, нуждается в объяснении. Внести в нее некоторую ясность, на наш взгляд, позволяют результаты недавних сравнительно-исторических исследований по языку кашмири. Согласно им, в период Средневековья Кашмир пережил смену языка: дардский язык – предок современного кашмири – вытеснил бытовавший в регионе ранее новоиндийский язык, ставший для кашмири субстратом (Коган 2011). Наиболее вероятным временем этой трансформации нам представляются XIII–XIV вв.²² Если литературная традиция на кашмирском *dēśabhāṣā* возник-

²⁰ Индийские грамматисты относили такие заимствования к особому слою или уровню (*krama*) языка. Этот уровень обозначался термином *dēśī* («местный»).

²¹ См. приведенный выше список лексических изоглосс, объединяющих язык *Bāṇāsarakathā* с новоиндийскими языками.

²² Средневековая история Кашмира до XII в. включительно достаточно хорошо освещена в нарративных источниках, наиболее важным из которых является хроника Раджатарангини («Волны царей»), составленная в 1148–1149 гг. историком и поэтом Кальханой. Ни эта хроника, ни какие-либо другие документы не содержат даже косвенных указаний на события, которые могли бы стать причиной вытеснения индоарийского народно-разговорного идиома дардским. С другой стороны, наличие многочисленных кашмирских элементов в тексте *Bāṇāsarakathā* не оставляет сомнения в том, что в XV в. дардизация населения Кашмирской долины должна была зайти достаточно далеко. Таким образом, XII в. может в данном случае рассматриваться как *terminus post quem*, а XV в. – как *terminus ante quem*. Возможно, благоприятные условия для процесса смены языка создало монгольское завоевание XIII в., вследствие которого Кашмирская долина оказалась политически объединена с дардским языковым ареалом – горными областями Гиндукуша и Каракорума. Характерное для этих областей перенаселение и острый дефицит земли, должны были способствовать массовой эмиграции жителей в Кашмир, частично обезлюдевший в результате как походов монголов, так и предшествовавших им продолжительных междоусобных войн. Подробнее см. Коган 2012; 2014.

ла до начала этого периода, что представляется весьма вероятным, то в течение определенного времени главным источником пополнения лексики слоя *dēśī* в текстах на данном языке должен был являться распространенный некогда в Кашмирской долине индоарийский диалект. К XV же веку смена языка завершилась или, по крайней мере, была близка к завершению. Вследствие этого ранний кашмири не мог не превратиться в региональный лингва-франка. Он, скорее всего, являлся также родным языком заказчика поэмы – султана Зайн-уль-Абидина, а возможно, и ее автора. В подобной ситуации сильное влияние его на язык *Bāṇāsarakathā* было вполне естественным.

Из вышесказанного, в частности, следует, что дальнейшее изучение рассмотренного нами литературного идиома может представлять интерес как для специалистов по дардским языкам, в частности, кашмири, так и для индологов. С одной стороны, кашмирские вкрапления в тексте поэмы могут считаться самой ранней надежно датированной фиксацией дардских лексических и морфологических единиц. Единицы эти отражают языковое состояние, характерное для XV в., и обнаруживают некоторые историко-фонетические архаизмы, среди которых можно отметить, например, отсутствие умлаута²³ (ср. *tuānō* ‘мой’ при кашм. *m’ōn*; *tuānē* ‘мой’ при кашм. *m’ēn*; *vātō* ‘прибывший’ при кашм. *wōt*; *vāci* ‘прибывшая’ при кашм. *wāc*). Анализ дардских элементов, направленный на выявление других архаичных черт, несомненно, мог бы пролить свет на целый ряд фактов исторической фонетики и грамматики кашмири. С другой стороны, индоарийская лексика в *Bāṇāsarakathā* в некоторой своей части должна обладать особенностями, характеризующими не сохранившийся и не дошедший до нас в письменных памятниках ранний новоиндийский язык²⁴. Значение подобного материала для сравнительной индологии трудно переоценить. Нужно отметить, что в работе Ш. Ш. Тошкхани, как нам представляется, кашмирским элементам уделено неоправданно больше внимания, нежели индийским²⁵. Это означает, что именно последние требуют наиболее интенсивного исследования в будущем.

Сокращения

авест. — авестийский	кашм. — кашмири
араб. — арабский	кл.-перс. — классический персидский
асс. — ассамский	кум. — кумауни
башк. — башкарлик	май. — майян
бенг. — бенгали	мар. — маратхи
г.-б. — гавар-бати	неп. — непали
гудж. — гуджарати	пандж. — панджаби
др.-инд. — древнеиндийский	паш. — пашаи
зап. пахари — языки западной подгруппы группы пахари	пракр. — пракриты
и.-е. — индоевропейский	пхал. — пхалура
катар. — катаркалаи	тир. — тирахи
	торв. — торвали
	цыг. — цыганский

²³ О кашмирском умлауте и относительной хронологии его возникновения см. Коган 2009.

²⁴ Другим источником сведений об этом языке являются индоарийские субстратные заимствования в кашмири. О них см. Коган 2011.

²⁵ Причиной этого была, по-видимому, априорная убежденность ученого в том, что язык *Bāṇāsarakathā* представляет собой раннюю форму кашмири.

Литература

- Вертоградова, В. В. 2002. *Пракриты. Издание второе*. Москва: Восточная литература.
- Елизаренкова, Т. Я. 2004. *Языки мира. Индоарийские языки древнего и среднего периода*. Москва: Academia.
- Захарьин, Б. А., Д. И. Эдельман. 1971. *Язык кашмири*. Москва: Наука (Главная редакция восточной литературы).
- Коган, А. И. 2009. К вопросу о ряде фонетических изменений в языке кашмири и их относительной датировке. В: Г. С. Старостин (ред.). *Аспекты компаративистики 4 [Aspects of Comparative Linguistics 4]*: 25–54. Москва: Издательство РГГУ.
- Коган, А. И. 2010. К вопросу о языке несанскритских фрагментов памятника Mahānayaṅprakāśa. Ранний кашмири или поздний апабхранша? *Вопросы языкового родства* 3: 13–21.
- Коган, А. И. 2011. К характеристике индоарийских элементов в языке кашмири. *Вопросы языкового родства* 5: 23–47.
- Коган, А. И. 2012. Еще раз о монгольских завоеваниях и монгольском владычестве в Кашмире. *История и современность* 1: 90–110.
- Коган, А. И. 2014. Кашмир и его соседи в XII–XIII веках. *Восток (Oriens)* 4: 37–47.
- Коган, А. И. 2015. Некоторые вопросы генетической классификации дардских языков по данным исторической фонетики. *Вопросы языкового родства* 13/1-2: 1–21.
- Хонелия, Н. А. 1976. Суффиксированные личные местоимения и некоторые особенности синтаксиса простого предложения в кашмири. В: Н. А. Дворянков (ред.). *Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики*: 218–233. Москва: Наука.
- Эдельман, Д. И. 1965. *Дардские языки*. Москва: Наука (Главная редакция восточной литературы).

References

- Bubenik, Vit. 1996. *The Structure and Development of Middle Indo-Aryan Dialects*. Delhi: Motilal Banarasidass.
- Edelman, Dzhoy. 1983. *The Dardic and Nuristani languages*. Moscow: Nauka.
- Edelman, Dzhoy I. 1965. *Dardskije jazyki*. Moskva: Nauka (Glavnaja redaktsija vostochnoj literatury).
- Elizarenkova, Tatiana Ya. 2004. *Yazyki mira. Indoarijskije jazyki drevnego i srednego perioda*. Moskva: Academia.
- Grierson, George A. 1919. *Linguistic survey of India. Vol. VIII. Pt. 2. Specimens of the Dardic or Piśāca languages (including Kāshmirī)*. Calcutta: Superintendent Government Printing (India).
- Grierson, George A. 1929. The language of the Mahānayaṅprakāśa, an examination of the Kashmiri as written in the 15th Century. *Memoirs of the Asiatic Society of Bengal* XI (2): 73–129.
- Khoneliya, N. A. 1976. Suffigirovannyje lichnyje mestoimenija i nekotoryje osobennosti sintaksisa prostogo predlozhenija v kashmiri. In: N. A. Dvor'ankov (ed.). *Indijskaja i iranskaja filologija. Voprosy grammatiki*: 218–233. Moskva: Nauka.
- Kogan, Anton I. 2009. K voprosu o r'ade foneticheskikh izmenenij v jazyke kashmiri i ikh otnositel'noj datirovke. In: G. Starostin (ed.). *Aspekty komparativistiki 4 [Aspects of Comparative Linguistics 4]*: 25–54. Moskva: Izdatel'stvo RGGU.
- Kogan, Anton I. 2010. K voprosu o jazyke nesanskritskikh fragmentov pam'atnika Mahānayaṅprakāśa. Rannij kashmiri ili pozdnij apabhraṅsha? *Journal of Language Relationship* 3: 13–21.
- Kogan, Anton I. 2011. K kharakteristike indoarijskikh elementov v jazyke kashmiri. *Journal of Language Relationship* 5: 23–47.
- Kogan, Anton I. 2012. Jeshche raz o mongol'skikh zavojevanijakh i mongol'skom vladychestve v Kashmire. *Istorija i sovremennost'* 1: 90–110.
- Kogan, Anton I. 2014. Kashmir i jego sosedi v XII–XIII vekakh. *Vostok (Oriens)* 4: 37–47.
- Kogan, Anton I. 2015. Nekotoryje voprosy geneticheskoi klassifikatsii dardskikh jazykov po dannym istoricheskoi fonetiki. *Journal of Language Relationship* 13/1-2: 1–21.
- Mayrhofer, Manfred. 1996. *Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen*. Bd II. Heidelberg: Universitätsverlag Carl Winter.
- Sen, Subhadra Kumar 1973. *Proto-New Indo-Aryan*. Calcutta: Eastern Publishers.
- Tagare, Ganesh V. 1948. *Historical Grammar of Apabhraṅśa*. Poona: Deccan College.

- Toṣkhānī, Shashi Shokhar. 1972. *Bāṇāsurovadh [Bāṇāsarakathā]. Kāśmīr viśvavidyālay kā pī ḛc ḍī upādhi kē liyē prēṣit śōdh prabandh*. University of Kashmir. Available at: <http://shodhganga.inflibnet.ac.in/handle/10603/56812> [accessed 03.05.2018].
- Turner, R. L. 1966. *A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages*. Oxford University Press.
- Vertogradova, Viktorija V. 2002. *Prakṛity. Izdaniye vtoroye*. Moskva: Vostochnaya literatūra.
- Zakharyin, Boris A., Dzhoj I. Edelman. 1971. *Yazyk kashmiri*. Moskva: Nauka (Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury).

Anton Kogan. On the language of the Bāṇāsarakathā poem and its relation to Kashmiri

The language of *Bāṇāsarakathā* (“The story of the demon Bana”), a poem written in Kashmir in the mid-15th century, is traditionally considered to be an early form of Kashmiri. However, certain facts of historical phonology and lexicon lead us to doubt this viewpoint. In the present article an attempt is made to throw maximum light on the issue. The author concludes that the language of the main body of the poem should be classified as Indo-Aryan, and is furthermore undoubtedly stylized and artificial. At the same time, the text contains numerous fragments in early Kashmiri, which should be regarded as the earliest extant datable written record of Dardic material. A number of Indian elements attested in the poem were most probably borrowed from a New Indo-Aryan language, spoken in the Vale of Kashmir before 13th–14th centuries.

Keywords: Kashmiri language, Dardic languages, Indo-Aryan languages, Prakrits, Apabhraṃśa, artificial languages, language shift.